
4750

СКАРМЕНТАДОВО ПУТЕШЕСТВІЕ,

изъ

сатирическихъ сочиненій

Г. ВОЛТЕРА.

На Россійскій языкъ
съ французскаго
преложенное.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

1778 году.

щенїямъ междуусобныхъ браней, которыя возжигалися то по причинѣ мѣста въ общемъ церковномъ собранїи, то за два листа спорныхъ сочиненїй; и сїи внутреннїя безпокойства заразили въ сорокъ лѣтъ сїю прелестную землю. Таковы были вольности Французской церкви Французы, говорилъ я самъ въ себѣ, съ природы умны, что бы за причина принудила ихъ убѣгать своего дарованїя? они весьма шутливы и веселы, а праздиуютъ свирѣпо день святаго Варѳоломея. Блаженны времена, въ которыя они станутъ токмо шутить и насмѣхаться людямъ.

Изъ Францїи поѣхалъ я въ Англїю. Равное сумозбродное состоянїе духа производило здѣсь такуюжъ бѣшеную ревность, артель набожныхъ Католиковъ вознамѣрилися Короля, Королевскую фамилїю и Парламентъ въ пользу Божїей церкви порохомъ подорвать и тѣмъ избавить нацїю отъ Еретиковъ. Показывали мнѣ мѣсто, гдѣ блаженныя памяти Королева Марїя, дщерь Генриха осмаго, приказала сжечь болѣе пяти сотъ своихъ подданныхъ. Благочинной Ирландской Священникъ увѣрялъ меня, что сїи дѣла достойны похвалы,

хвалы, во первыхъ для того, что пожертые огнемъ были Агличане; а во вторыхъ, что никогда они не кропилися святою водою и въ святаго Папирика не вѣрили; наипаче дивился онъ, что Королева Марія не поставлена еще въ число святыхъ, что какъ онъ надѣется неотмѣнно возпослѣдуетъ, какъ скоро Кардиналъ Непотъ удосужится.

Оттуда переѣхалъ я въ Голландію, уповая найти болѣе тишины и покоя въ моркотномъ народѣ. По прибытіи моемъ въ Гагу, первое было позорище для меня отсѣченіе головы старому почтенному сыну отечества, первому реформатскому священнику Барнвельту, которой оказалъ превеликія республикѣ заслуги. Смотря на сіе пораженъ я былъ сожалѣніемъ и спросилъ, въ чемъ состоитъ его преступленіе и не измѣнилъ ли онъ государству? Злѣ онъ поступилъ, отвѣчалъ проповѣдникъ въ черной епанчѣ! Сей мужъ вѣруетъ, что мы возможемъ спастися какъ добрыми дѣлами, такъ и вѣрою. Вы вѣдаете, что когда такія ученія вкоренятся, то міръ не простоитъ долго, и что необходимо потребно строгое узаконеніе, для опроверженія искорененія такихъ

кихъ соблазняющихъ мерзостей. Глубокоумствующій Голландской политикъ сказалъ мнѣ съ воздыханіемъ. Ахъ, государь мой, столь похвальныя дѣла не продолжатся вѣчно, нашъ народъ склоненъ съ природы къ проклятому правилу о дозволеніи свободнаго отправленія вѣры. Настанетъ время, что совершится сіе душегубное намѣреніе, трепещу мыслями объ ономъ. Повѣрьте, государь мой, продолжалъ онъ свою рѣчь: сіе случилося ненарокомъ, что возгорѣлася въ Голландцахъ столь достохвальная и ревностная склонность къ отсѣченію за вѣру головъ у тварей себѣ подобныхъ. Въ семъ состояли жалостныя слова господина Голландца. Съ моей стороны почиталъ за полезнѣе оставить такую землю, которой гроза и строгость перевѣсисты, и для того отправился моремъ въ Гишпанію.

Пріѣхалъ въ Севилію въ самое хорошее время года, дворъ тамъ находился, флотъ съ золотомъ и серебромъ прибылъ, и все по видимому предвозвѣщало радость, изобиліе и роскошь на концѣ прекрасной аллеи, усаженной одними померанцовыми и лимонными деревьями. Усмотрѣлъ я издали великое собраніе около украшеннаго бога по

амфи-

амфитеатра; король, королева, принцы и принцессы сидѣли подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, а противъ сей высокой фамилїи поставленъ былъ другой выше и богатѣе прежняго тронъ. Я сказалъ одному изъ моихъ путешествующихъ товарищей, что ежели сей престолъ хранится не для Бога, то не знаю къ чему бы можно его употребить; однако за сїи сказанныя не во время слова, которыя подслушалъ важновидной Гишпанецъ, заплатилъ я потомъ весьма дорого. Въ ту пору думалъ я, что веселиться будемъ, смотря на карусель или на бой съ буйволами, однако увидѣлъ, что взошелъ на престолъ первой Инквизиторъ, и освѣтилъ какъ короля, такъ и народъ. Послѣ сего явилося множество монаховъ: они шли по двое въ рядъ! На иныхъ было бѣлое платье, на-другихъ черное, сѣрое, темное; иные босикомъ, иные съ бородами, иные безъ бородъ, иные и въ монашескихъ головныхъ наглобучкахъ, а другїе безъ нахлабучекъ; потомъ шествовалъ палачь, за которымъ слѣдовало около сорока безщастныхъ людей, въ провожанїи знатныхъ и мѣлкихъ инквизицїи служителей. На одѣянїи ихъ намалеваны были огненныя пламена, и сїи люди были отъ части жиды,

которые не хотѣли отрещися отъ Моисеева закона, а отъ части Христїяне, женившїеся на кумахъ или можетъ быть поупрямившїяся покланятися Ахотской Марїи, либо непохотѣвщїе подѣлиться своими деньгами съ братїею святаго Игронима. Какъ всѣ съ благословенїемъ помолилися, то стали сихъ безщастныхъ мучить, а потомъ предали огню; и сїя церемонїя кончилась къ великому наставленїю всей королевской фамилїи.

Лишь только въ ту самую ночь хотѣлъ я ложиться спать, то вошли ко мнѣ двое присланныхъ отъ инквизицїи съ приставами Германдадскаго суда; они обхватили меня миловидно и выведши изъ моего дому втащили въ прохладную темницу, въ которой стояло господне распятїе и вмѣсто постели цыновка. Въ семъ мѣстѣ пробылъ я шесть недѣль, по окончанїи коихъ честнѣйшїй отецъ Инквизиторъ приказалъ мнѣ поклониться и сказать, чтобъ я пожаловалъ къ нему поговорить. Я исполнилъ его требованїе: онъ принялъ меня съ разпростертыми руками, и обнявъ болѣе нежели какъ съ отческою ласковостїю, сказалъ: что ему не мило, что мнѣ отвели такое худое жилище: но какъ всѣ покои теперь по слу-

чаю заняты, что не возможно услужить лутчимъ; однако примолвилъ онъ, что надѣется имѣть впередъ обо мнѣ болѣе попеченія; по томъ спросилъ онъ меня приятно, знаю ли я, зачѣмъ посаженъ въ тюрму. Я отвѣчалъ честному отцу, что конечно за мои грѣхи. Изрядно возлюбленное чадо, сказалъ онъ, да за какія грѣхи? открой мнѣ свое серлце не опасаяся говори: Я старался всѣми мѣрами, чтобъ вспомнить какое преступленіе; однако то было напрасно. Послѣ чего напомнилъ онъ мнѣ рѣчь, которую я проговорилъ безразсудно; словомъ, меня освободили по подверженіи строгому наказанію, а имянно: я заплатилъ тритцать тысячь реаловъ. Я ходилъ проститься съ главнымъ Инквизиторомъ. Онъ былъ изрядной человѣкъ и спросилъ меня, какъ малое ихъ угощеніе мнѣ показалося? Я отвѣчалъ ему: очень прекрасно. Послѣ сего пришелъ я искать моихъ товарищей, дабы оставить съ ними сію прелестную землю. У нихъ было въ мое отсудствіе довольно времени навѣдаться о великихъ Гишпанскихъ дѣлахъ до вѣры касающихся. Они читали уже сочиненіе славнаго Епископа Кіапскаго, въ которомъ стоитъ, что въ Америкѣ десять миліоновъ невѣрныхъ убито, сожжено и утоплено, для

приведенія простчихъ на истинной путь. Я думалъ, что Епископъ число можетъ быть увеличилъ; но положимъ, что истреблена токмо половина, то и сему можно еще дивиться. Хотя и случилися столь многія непріятныя мнѣ приключенія въ моемъ путешествіи; однако я принялъ намѣреніе оное окончать и слѣдовательно сѣлъ на корабль, чтобъ ѣхать въ Турецію. Я вознамѣрился впередъ не мѣшаться въ дѣла другихъ народовъ, ниже разсуждать о праздникахъ, кои у нихъ увижу. Турки говорилъ я моимъ товарищамъ, есть народъ некрещеной и съ природы свирѣпѣе честнѣйшихъ отцовъ Инквизиціи, станемъ обо всемъ молчать между магометанцами.

Прибывъ въ Константинополь крайне удивился увидя въ немъ болѣе Христіанскихъ церквей, нежели въ Кандіи, а еще вящше изумлялся узрѣвъ множество монаховъ, которымъ позволено было свободно молиться Дѣвѣ Маріи и проклинать Махомеда. Предавали его анаѳемѣ на Греческомъ, Латинскомъ и Армянскомъ языкахъ. Сколь благоразумны, вскричалъ я, Турки въ разсужденіи того, что какъ Христіане оскверняютъ непорочную вѣру всякими мерзостьми и сумозбродными вдохновеніями, и служатъ Богу

миро-

міролюбивому съ кровію и хищеніемъ; такъ напротивъ того неверные не препятствуя и человѣколюбствуя терпятъ такой законъ, которой чуждъ ихъ сердцу. Греческіе и Римскіе Христіане въ Константинополѣ суть непримиримые неприятели; они какъ собаки грызущіяся по улицамъ и одинъ гонитъ другаго съ чрезмѣрнымъ жестокосердіемъ. Великой визирь защищаетъ Грековъ, коихъ Патріархъ ему на меня донесъ, что я обѣдалъ съ Римлянами. Диванъ учинилъ милостивой приговоръ, чтобъ мнѣ дать по пятамъ тростью сто ударовъ, съ тѣмъ дозволеніемъ, что могу откупиться 500 цехинами. На другой день удавили великаго визиря и съ сутки потомъ приговорилъ меня его наслѣдникъ, которой держался Римской партіи и котораго не прежде какъ мѣсяцъ спустя удавили, къ такому же наказанію, понеже я обѣдалъ у Греческаго Патріарха. словомъ, ввергли меня въ глупое и необходимое состояніе, что я не смѣлъ ходить ни въ Греческую, ни въ Римскую церкви; и такъ старался я поправить свою жизнь и вздумалъ содержать полюбовницу. Плѣнила меня молодая Турчанка которая сколко была горяча и жива при тайномъ свиданіи, столько же благочинна и набожна въ мечетѣ. Въ одну ночь обняла она меня

изо всѣхъ своихъ силъ и вскричала въ сладкомъ восхищенїи своей любви: Алла, Алла, Алла. Сїи слова у Турокъ суть священнотаинственныя: а я почитая ихъ за изъявленїе любви также возопилъ: Алла, Алла, Алла. Послѣ чего она вскричала: слава небу, ты Турка. Я отвѣчалъ ей, что я благодарю небу, что оно учинило ее мнѣ благосклонную, для чего почитаю себя за щастливаго.

По утру пришелъ Иманъ меня обрѣзать; но какъ я сталъ ему въ томъ прекословить, то Кади нашей части города честной человѣкъ сказалъ мнѣ весьма учтиво, что онъ принялъ намѣренїе меня живаго на колъ посадить. Отдѣлавшися я отъ обрѣзыванїя и наказанїя тысячею цехинами, поспѣшалъ я въ Персїю, съ твердымъ предпрїятїемъ никогда не ходить въ Турецїи въ Римскїя и Греческїя церкви, ниже говорить Алла, Алла, Алла, при любовномъ свиданїи.

Осталося мнѣ еще видѣть Африку; но какъ я самъ въ себѣ разсуждалъ, лучше ли мнѣ удовольствовать сїе желанїе или плыть въ Италїю, то полонили Арапы наше судно. Нашъ шкиперъ ругалъ морскихъ разбойниковъ и спрашивалъ о причинѣ, для чего

они

они столь безумно нарушаютъ народное право? Они отвѣтствовали: у васъ носъ долгой, а у насъ плоской; у васъ волосы прямые, а у насъ курчеватые; вы бѣлы, а мы черны: слѣдовательно должны мы по непрестаннымъ и священнымъ законамъ естества быть всегда вамъ неприятелями. Вы покупаете насъ на берегахъ Гвинейскихъ, будто бы мы не тѣже люди; по томъ продаете насъ какъ скотину и принуждаете повторяемыми побоями вѣчно рыть въ горахъ для сыскиванія нѣкотораго рода смѣшнаго желтаго порошку, которой внутренней цѣны не имѣетъ и не лучше хорошей Египетской луковицы: и такъ когда вы намъ попадаетеся, и мы сильнѣе васъ, то беремъ въ неволю и принуждаемъ работать на нашихъ пашняхъ; а когда вы поупрямитеся, то отрѣзываемъ вамъ носъ и уши. На столь умную рѣчь намъ отвѣчать было нѣчего. Мнѣ приказано было трудиться на пашнѣ у старой Арапки; ибо не было во мнѣ особливой склонности лишиться носа и ушей. Препроводивъ цѣлой годъ въ семъ невольничествѣ, выкупили меня приятели, къ которымъ я о томъ писалъ.

Посмотрѣвъ такимъ образомъ свѣтъ и все, что въ немъ ниесть велико, хорошо

рошо и изящно, вознамѣрился я возвратиться въ Кандїю. Скоро по моемъ туда прибытїи сочетался я честнымъ образомъ, учинился неукоснительно рогоносцемъ и понялъ на короткѣ ясно, что сей родъ жизни есть самой безпечной и спокойной.

КОНЕЦЪ.

1951